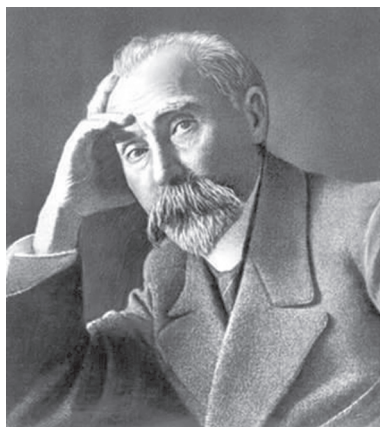

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА»
ФГБОУ ВО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»
ТАМБОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
НАУЧНАЯ ШКОЛА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ имени Г.В. ПЛЕХАНОВА

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(К 160-летию со дня рождения Г.В. Плеханова)

Монография

Москва – Тамбов

2017

Оглавление

Введение	15
Вместо предисловия. Кратко о Плеханове и РЭУ им. Г.В. Плеханова <i>В.И. Гришин, д.э.н., проф., ректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова</i>	19
Раздел I. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА	
Глава 1. Наши разногласия. Письмо к П.Л. Лаврову	21
Глава 2. Об экономическом факторе	35
Глава 3. Двадцать пятая годовщина смерти К. Маркса	63
Раздел II. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Г.В. ПЛЕХАНОВА, ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТУПКИ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	
Глава 4. Сложная и противоречивая судьба Г.В. Плеханова и уроки, которые можно извлечь из его творческого наследия <i>Г.П. Журавлева, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ</i>	67
Глава 5. Идейное наследие Г.В. Плеханова: ретроспектива и перспектива развития индустриального общества <i>С.Д. Бодрунов, д.э.н., проф.</i>	83
Глава 6. Напряженный поиск верного взгляда на исторический процесс Г.В. Плеханова <i>Ю.В. Якутин, д.э.н., проф.</i>	91
Глава 7. Детерминированность экономических преобразований: от Г.В. Плеханова к Л.И. Абалкину <i>М.И. Воейков, д.э.н., проф.</i>	105
Глава 8. Сквозь призму времени. Марксист с особо человеческим лицом <i>Г.Н. Цаголов, д.э.н., проф., академик РАЕН</i>	112

Глава 9.	Экономические взгляды Г.В. Плеханова и проблемы развития России в современных условиях <i>А.А. Анисимов, к.э.н., доц., О.Б. Тихонова, к.э.н., доц.</i>	121
Глава 10.	Трагифарс «Плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации <i>Г.Д. Гловели, д.э.н., проф.</i>	133
Глава 11.	Г.В. Плеханов и евразийская идея <i>Д.Ю. Миропольский, д.э.н., проф.</i>	144
Глава 12.	Взаимосвязь экономического и нравственного в формировании гражданского общества: взгляды Г.В. Плеханова и современность <i>Г.И. Грекова, д.э.н., проф.</i>	151
Глава 13.	Специфика экономического поведения российской буржуазии: прошлое и современность <i>М.В. Киварина, д.э.н., доц.</i>	156
Глава 14.	Взгляды Г.В. Плеханова на роль интеллигенции в рабочем движении России на рубеже XIX-XX в. <i>Н.М. Багновская, д.и.н., проф.</i>	160
Глава 15.	Г.В. Плеханов и современные исследователи о связи законов и теорий <i>Н.И. Сидоренко, д.ф.н., проф.</i>	168
Глава 16.	Отражение мыслей Г.В. Плеханова в экономической действительности РФ XXI века <i>А.А. Узрюмова, д.э.н., проф., Л.Е. Паутова, к.и.н., доц.</i>	181
Глава 17.	Философия развития российского общества в работах Г.В. Плеханова (системный подход) <i>П.В. Савченко, д.э.н., проф., М.Н. Федорова, д.э.н.</i>	187
Глава 18.	Г.В. Плеханов и С.Н. Булгаков: марксизм и русский философский ренессанс XX в. <i>А.В. Талонов, д.э.н., проф.</i>	197
Глава 19.	Взгляды Г.В. Плеханова на мировоззренчески-познавательную и художественно-эстетическую сферу культуры <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Л.И. Батюк, к.и.н., доц.</i>	202
Глава 20.	Исторические корни социологии искусства и вклад Г.В. Плеханова в решение этой проблемы <i>Е.В. Александрова, к.и.н., доц., М.И. Скрипникова, ст. преп., Ю.И. Смирнов, к.и.н., доц.,</i>	206
Глава 21.	Взгляды Г.В. Плеханова на историю общественного развития и история «перестройки» современной России <i>Ю.П. Кожяев, д.и.н., проф.</i>	212
Глава 22.	Прав ли был Г. Плеханов? (взгляд через 100 лет) <i>М.И. Забелина, к.э.н., доц.</i>	225

**Раздел III. К 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА**

Глава 23.	История создания экономико-коммерческого высшего учебного заведения: от коммерческого училища до Государственного Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова <i>Ш.М. Мунчаев, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ</i>	229
Глава 24.	Политические взгляды современника Г.В. Плеханова, первого ректора Московского коммерческого института профессора Павла Ивановича Новгородцева и его время <i>Р.И. Хасбулатов, д.э.н., проф., член-корр. РАН</i>	238
Глава 25.	Плехановская культура в свете теории «общественного идеала» П.И. Новгородцева <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Ф.И. Гусейнов, к.ф.н., доц.</i>	259
Глава 26.	Московское общество распространения коммерческого образования <i>И.Н. Шапкин, д.э.н., проф.</i>	265
Глава 27.	Роль РЭУ им. Г.В. Плеханова в современном российском образовании <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Д.О. Чавкин, асп.</i>	279
Глава 28.	Перспективные профессии в области менеджмента и экономики <i>С.В. Панасенко, д.э.н., проф., С.А. Краснов, препод.</i>	289

**Раздел IV. «ПЛЕХАНОВЦЫ» – УЧЕНЫЕ И ВЫПУСКНИКИ
РЭУ им. Г.В. ПЛЕХАНОВА – О РОССИЙСКИХ
И МИРОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ**

Глава 29.	Размышления об экономике и геополитике <i>Р.С. Гринберг, д.э.н., проф., член-корр. РАН</i>	298
Глава 30.	Открытая дискуссия в России по национальному вопросу (два мнения)	
30.1.	Кому и зачем нужен закон «О российской нации»?! <i>К.И. Курбаков, д.э.н., проф.</i>	301
30.2.	«Для мира мы русские» <i>С.С. Говорухин, депутат Госдумы РФ, кинорежиссер</i>	308
Глава 31.	Образование как фактор экономического развития отечественной экономики <i>Л.И. Батудаева, к.э.н., доц.</i>	310
Глава 32.	Категориальное понимание человеческого капитала <i>Е.Н. Чижова, д.э.н., проф., Е.Ю. Кажанова, ст. преп.</i>	314
Глава 33.	Анализ факторов экономического роста на основе научных исследований <i>С.В. Мудрова, к.э.н., доц., Д.А. Покаместов, студ.</i>	323

Глава 34.	Особенности транзакционных издержек на рынке труда <i>В.С. Баженова, д.э.н., проф., Е.Н. Протасова, к.э.н., препод.</i>	330
Глава 35.	Приоритетные направления экономической политики государства на современном этапе <i>Т.В. Скрыль, к.э.н., доц.</i>	339
Глава 36.	Малое и среднее предпринимательство – стратегический ресурс развития России <i>О.В. Сагинова, д.э.н., Л.С. Леонтьева, д.э.н., Д.В. Завьялов, к.э.н., Н.Б. Завьялова, к.т.н.</i>	345
Глава 37.	Приоритетное развитие легкой промышленности в российских регионах <i>Е.В. Бурденко, к.э.н., доц.</i>	358
Глава 38.	Основные ориентиры стратегии пространственного развития крупных городов в условиях экономической нестабильности <i>Г.Ю. Гагарина, д.э.н., проф., Л.С. Архипова, к.э.н., доц.</i>	365
Глава 39.	Анализ торговых центров Москвы и Московской области <i>С.В. Панасенко, д.э.н., проф., Е.В. Слепенкова, доц., Т.В. Жердочка, студ.</i>	372
Глава 40.	Экономика идентичности <i>А.Ю. Борисов, асп.</i>	379
Глава 41.	Виртуальная реальность как будущее современного маркетинга <i>Е.А. Панова, к.э.н., ст. преп., Е.Р. Редько, студ.</i>	383
Глава 42.	Диспаритет цен как возможность расширенного воспроизводства аграрной экономики <i>Н.Р. Амирова, к.э.н., доц., Л.В. Саргина, к.э.н., доц.</i>	386
Глава 43.	Межфирменная кооперация и интеграционные процессы в системе АПК РФ <i>Н.Е. Бондаренко, к.э.н., доц., Т.П. Максимова, к.э.н., доц.</i>	395
Глава 44.	Динамика развития природно-ресурсного потенциала регионов Монголии <i>Т.Г. Романова, д.э.н., проф., Р.Ж. Цыдыпов, к.э.н., доц.</i>	404
Заключение		410
Приложение 1.	Основные даты жизни и деятельности Г.В. Плеханова	411
Приложение 2.	Список работ Г.В. Плеханова, вошедших в «Избранные философские произведения»	419
Приложение 3.	Библиографический перечень литературы о Г.В. Плеханове	426
Приложение 4.	Иллюстрации	439

Глава 24

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННОКА Г.В. ПЛЕХАНОВА, ПЕРВОГО РЕКТОРА МОСКОВСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССОРА ПАВЛА ИВАНОВИЧА НОВГОРОДЦЕВА И ЕГО ВРЕМЯ

*Р.И. ХАСБУЛАТОВ,
д.э.н., проф., член-корр. РАН,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова*

Первые грозы над Российской империей

В XX в. Российская империя вступила в сложнейших внутренних и международных условиях. С одной стороны, продолжался энергичный экономический рост в основных центрах (Москва, Петербург, Киев, Харьков, Одесса, Урал, Казань, Баку, Сибирь, Северный Кавказ), начавшийся еще в последние десятилетия XIX в. После запоздалой отмены крепостного права (1861) Россия быстро европеизировалась, были проведены реформы: судебная (появился суд присяжных и адвокатура), создана новая армия на основе всеобщей воинской обязанности, земская (новые демократические формы местного управления в большинстве губерний), в народном образовании (введена система выбора ректоров профессорами), были проведены обширные финансовые преобразования, созданы банки и биржи, и пр.

Все 90-е годы XIX в., а также первого десятилетия, вплоть до начала революционных событий 1905 г., были связаны с необычайно плодотворной деятельностью Сергея Юльевича Витте. Он во многом способствовал строительству колоссальных по протяженности железнодорожных линий (поезда ходили от Варшавы до Порт-Артура), ставших базовым фактором мощного экономического подъема России в эти десятилетия. В те годы Витте находился в самом центре выработки экономической политики Империи и руководил ее осуществлением; он последовательно возглавлял могучее железнодорожное ведомство (продолжая здесь политику министра финансов профессора Н.Х. Бунге), затем – министерство финансов, наконец, Совет Министров. Один из самых авторитетных специалистов народного хозяйства императорской России и СССР профессор П.И. Лященко писал о Витте как о наиболее выдающемся государственном деятеле за последние

полстолетия существования монархии¹. Это при нем были осуществлены и такие проекты, как установление государственной винной монополии, проведена денежная реформа на базе золотого стандарта и даже подготовлена земельная реформа, которую впоследствии так неудачно проводил Столыпин. Условия для реформ в тогдашней России были неблагоприятными – цари Александр III и вступивший на престол после его смерти Николай II, несмотря на то, что лично относились к Витте с доверием и поддерживали его, но сами были буквально в осаде консерваторов, которые внушали им, что премьер чрезмерно самостоятелен и часто принимает чуть ли не «решения за монарха». Один из авторов Нового энциклопедического словаря, издаваемого Ефроном и Брокгаузом в те годы, лаконично отмечает: «Витте являлся реформатором в такой среде и такой обстановке, которые совсем не были приспособлены для реформ»². Вскоре разразилась первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. Эта война и революция, однако, не приостановили устойчивый экономический рост в Российской империи, но он развивался на весьма противоречивом фоне.

Революция не явилась неким спонтанным явлением, она назревала долго и неминуемо, по мере постепенного накопления внутренних противоречий в обществе огромной евроазиатской империи, и не желая их решать правящими кругами. Проблемы были острейшие, население Империи состояло из 85% крестьян, большинство его, разумеется, были безграмотные и бесправные. Несмотря на увеличивающийся ежегодно экспорт за границу пшеницы, масла, льна, кожи и ряда других товаров, во многих частях империи частыми были голодные времена, обусловленные исключительно погодными условиями. Даже изобилие урожая пшеницы, ржи и прочих зерновых в одних регионах, когда цены падали до минимального уровня, доставка зерна в нуждающиеся регионы была предельно затруднительной из-за традиционной российской беды – отсутствия дорог, складских помещений, зачаточного состояния распределительных сетей. Быстрое развитие капиталистических отношений мало способствовало решению этих проблем. Ужасающими были условия работы промышленных рабочих в городах, на что указывали практически все аналитики и писатели, независимо от своих политических взглядов.

На этом фоне возматало рабочее движение, на него оказывали влияние различные партии – от монархических и буржуазных до леворадикальных и социалистических. По сути их почти всех объединяли требования осуществить коренные политические реформы – если монархисты и конституционные демократы, в целом, выдвигали лозунги перехода к конституционной монархии, то все другие или почти все другие желали полностью избавиться от монархии – отторжение царизма было почти всеобщим.

Правительство Витте пыталось успокоить общественное мнение, взбунтовавшееся после расстрела людей на демонстрации 9 января 1905 г. В частности, оно подготовило ряд царских указов, в соответствии с которыми были сокращены,

¹ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2. С. 82.

² *Брокгауз и Ефрон.* Новый энциклопедический словарь. СПб. Т. 10. С. 847.

а затем и полностью прекращены выкупные платежи с крестьян бывших помещичьих и иных земель (установленные в связи с отменой крепостного права). Эти меры, при всей их очевидной пользе, не приносили успокоения в крестьянской среде в силу их ограниченности. Не принесла умиротворения и первая Государственная дума, избранная в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г., этого детища С.Ю. Витте.

23 апреля 1906 г. он был отправлен в отставку. Премьером стал известный реакционер Иван Горемыкин, который немедленно начал борьбу с первой Думой. Его действия были настолько раздражающими, что уже через несколько месяцев его сменил Петр Аркадьевич Столыпин, бывший саратовский губернатор.

Эта реальная обстановка тех времен была очень далека от той, идиллически романтической, которую рисуют некоторые современные публицисты и «новые историки»; они бесцеремонно пытаются исказить прошлую историю страны в попытках *подчинить давние исторические события логике (или антилогике) сегодняшних политических предпочтений.*

Петр Столыпин – твердый приверженец самодержавия, человек, несомненно, умный и решительный, с одной стороны, стремился продолжить политику Витте (и Бунге); с другой стороны, придал политическому режиму карательно-репрессивный, охранительный характер. При нем военно-полевые суды стали действовать с широким размахом, усилилось давление на демократические партии, печать; он перенял практику Горемыкина борьбы с Государственной думой. Даже царь Николай II в беседе с ним выговаривал ему (правда, не строго), замечая, что его методы ведут к росту недовольства в обществе. Земельная реформа, которую он позаимствовал у Витте, имела незначительный успех: выход зажиточных крестьян из общины обрекал остающихся в общине на нищету (более двух третей общины). Они устремились в города, пополняя люмпенизовавшуюся часть населения. Столыпин стремился также поддержать переселение крестьян в Сибирь. Эта политика также была разработана правительством Витте, но лишь часть переселенцев сумела закрепиться в тамошних местах и так или иначе приспособиться к новым тяжелым условиям. Выделенных для обживания денег было недостаточно для этого. Другая часть переселенцев пыталась вернуться на родину, но на этом пути их подстерегали казачьи разъезды, и они насильственно возвращались; при повторной попытке оказывались в тюрьме.

Не лучше обстояли дела и в других областях столыпинских реформ, в частности, в ведении земских начал. Столыпин в этом важнейшем для судеб Империи вопросе занял предельно самоубийственную политику. Так, он добился у царя сокращения полномочий весьма специфических «автономий», если их так можно назвать – царства Польского и герцогства Финляндского (официально их правителями был сам царь, а от его имени действовали генерал-губернаторы, заместители царя). У этих двух «автономий» были собственные парламенты, денежная единица (имевшая хождение на их территории), традиционное местное самоуправление и иные привилегии. Покушение на их давние привилегии вызвало всеобщее негодо-

вание со стороны просвещенного общества. Далее, он попытался сократить число земских губерний, имеющих свои системы самоуправления; ограничить права польского населения в западных губерниях. Ему также ставилось в вину то, что когда он был губернатором Ковенской губернии, он не пресек расправы с еврейским населением (этот мотив привел в свое оправдание молодой человек, Дмитрий Богров, расстрелявший Петра Столыпина в Киевском театре оперы в 1911 г., входивший в еврейскую организацию «Бунд». Богров никаким «агентом царский охраны» не был, как стали утверждать некоторые публицисты в последние годы. И зачем спецслужбе Империи надо было убивать уже отставного премьера, который как раз усилил эту службу и предоставил ей новые полномочия?). К моменту предстоящей официальной отставки (о которой своим близким людям и семье сообщил сам Столыпин, а она должна было состояться в Киеве, на предстоящей встрече с царем на следующий день, после покушения 18 сентября 1911 г.).

Этот противоречивый государственный деятель настроил против себя все российское общество – народ, деловых людей, высшую аристократию, включая двор царя и царицу. Конечно, такая жестокая, трагическая смерть вызвала кратковременную жалость и сочувствие к нему и его семье у огромного множества людей, но в целом оценки его деятельности со стороны самых разных общественных страт были в то время именно такими, которые изложены на основе общеизвестных фактов и событий того времени. Л.Н. Толстой, в целом, отрицательно оценивал роль Столыпина, особенно насильственное уничтожение крестьянской общины, этой «ячейки нравственности» русского крестьянства.

Ректор Коммерческого института профессор П.И. Новгородцев

Вот такой была общая обстановка в России, когда профессор Московского императорского университета П.И. Новгородцев получил предложение возглавить первый коммерческий институт, создающийся по инициативе видных промышленников. Правда, первый экономический факультет в России был создан несколько раньше, в 1903 г., в структуре Петербургского политехнического института.

В Москве, Петербурге и Киеве в то время были уже достаточно сильные экономические школы, базирующиеся в университетах и других вузах (их было много, и система высшей школы в Империи только формировалась. Поэтому неверно утверждать, что «советская власть ее разрушила». Она ее создала на основе самых лучших образцов царской и европейской высшей школы). Однако талантливых ученых в области экономической теории, философии, юридических наук, математике, технике, естествознании и т.д. в России было немало к тому времени. Поэтому Новгородцеву в самое короткое время удалось привлечь в новый институт удивительно одаренных профессоров, особенно из Московского университета, а также технического училища (позже МВТУ имени Николая Баумана) и нескольких других, имеющих в Москве.

По своим политическим взглядам Новгородцев разделял идеи партии конституционных демократов (кадетов, КД), хотя некоторые называли его «фабианским социалистом». Более того, он был одним из идеологов партии кадетов, как и профессор А.А. Мануйлов, известный юрист, в недавнем прошлом ректор Московского Императорского университета, снятый с этого поста за отказ исключить группу студентов, участвовавших в антиправительственных демонстрациях, а также профессор А.С. Муромцев, первый председатель Государственной думы.

Г.В. Плеханов и П.И. Новгородцев

Отмечена следующая особенность в политическом движении в России: вплоть до революции 1905–1907 гг., которая воочию показала неслыханные жестокости, приносимые революционными бунтами, – политические партии, (исключая узкие нелегальные кружки заговорщического типа), в том числе монархические или проправительственные и социал-демократические (реформаторские), в общем, почти все, относились довольно лояльно друг к другу и не прочь были вступать в какие-то формальные или неформальные альянсы, и сотрудничали по ряду важных вопросов. Возможно, это было связано и с тем обстоятельством, что некоторые известные деятели искусства и богатейшие люди (в том числе из состава группы отцов-основателей Коммерческого института), помогали материально разным партиям, даже левым (социал-демократам, большевикам Ленина). С таких позиций взгляды П.И. Новгородцева, стойкого приверженца конституционной монархии, до некоторой степени совпадали с идеями «легальных марксистов», особенно широко известного экономиста Михаила Туган-Барановского и отчасти Г.В. Плеханова. И этому были свои основания.

Плеханов, как известно, в отличие от Ленина, считал, что в России, этой крестьянской стране, вряд ли может в обозримом будущем осуществиться социалистическая революция, поскольку рабочий класс, хотя и формируется, но составляет явное меньшинство по сравнению с крестьянством (около 85% населения). Собственно, это была ключевая идея Маркса, который исходил из положения, что социалистическая революция может совершиться только в странах Западной Европы, в которых развитие капитализма ушло далеко вперед, где рабочий класс хорошо подготовлен теоретически и может вполне успешно справиться с задачами построения новой социальной модели государства.

Соответственно, Плеханов, с учетом конкретных условий России, считал, что основная политическая борьба должна была быть направлена на достижение трех главных задач: во-первых, улучшение материального положения рабочего класса и крестьянства, условий их труда; во-вторых, демократическое преобразование Империи (входя для этого в альянсы с другими партиями); в-третьих, политическое просвещение общества. Но именно третью задачу, политическое просвещение народа, и усматривал в качестве одной из главных профессор Новгородцев.

В работе «Социализм и политическая борьба», в которой Плеханов пересматривает свои прежние народофильские взгляды (организации «Народ и воля»), он пишет следующее: *«Всякая организация предполагает известные, определяемые ее целью и характером, свойства организуемого. Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социалистическая, как и всякая другая, организация, требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России».*

В этих лаконичных словах предупреждение политикам об опасности «забегания вперед», чем всегда грешили в России не только при переходе от капитализма к социализму, но даже в условиях перехода от социализма к капитализму в 90-е годы XX в. Ленин категорически не согласился с этим важным утверждением Плеханова и едва не потерял власть уже после окончания Гражданской войны в 1920 г., когда столкнулся с грозными крестьянскими восстаниями, начавшимися по всей стране. И лишь быстрый переход к НЭПу и «возвращение капитализма» удержало его партию во власти. Убежденность в преждевременности социалистической революции в октябре 1917 г. заставила Плеханова осудить совершенный большевиками переворот. Однако возмущенный Ленин не изменил своего уважительного отношения к Плеханову (возможно, он глубоко в сознании понимал его правоту и потребовал от руководящих деятелей большевистской партии не критиковать Плеханова). А события 1920 г., в том числе тамбовское восстание крестьян (которое подавил прославленной полководец Гражданской войны Михаил Тухачевский), наверняка убедили Ленина в том, насколько оказался прав Г.В. Плеханов. Поэтому нет ничего удивительного, что некоторые важные суждения Плеханова совпадали с размышлениями Новгородцева.

Очерк П.И. Новгородцева «На путях к правовому государству»: комментарии и размышления

Манифест Николая II от 18 октября 1905 г., даровавший нечто вроде Конституции, на основе которого в Империи появилась Государственная дума (ее председателем стал Муромцев, позже – профессор Коммерческого института), не успокоила брожение умов. Огромное число разномастных политических партий вели между собой нескончаемую борьбу, которая выплескивалась на страницы печати. А Государственная дума превратилась в главную трибуну, которая использовалась депутатами от многочисленных партий для антицаристской пропаганды и в то же время требований по превращению Думы в полноценный парламент. Явно ощущался дефицит политических знаний не только в обществе, но и в среде тех сил, которые были вовлечены в активную политическую борьбу.

Вот в такой обстановке появился очерк профессора П.И. Новгородцева «На путях к правовому государству»¹. Очевидно, что целью автора было намерение показать, какой путь проделала «просвещенная Западная Европа», прежде чем достигла того уровня политического и правового сознания и тех институтов власти, которые в этих странах существовали на тот период. Новгородцев популярно разъяснял, что путь этот долог, сопряжен с большими трудностями, которые успешнее всего преодолеваются через реформирование. Реформы, по мнению Новгородцева, – это принципиально новый момент, характерный для XX в., в отличие от революций, свойственных предыдущим столетиям. Кто знает, возможно, Россия стала бы на такой путь развития через последовательные реформы, если бы не разразилась Первая мировая война. Свой анализ Новгородцев начинает с общей характеристики эпохи Просвещения.

Эпоха Просвещения и тенденции европейского развития

Просвещение (Enlightenment) – это философские и рационалистические взгляды, свободные от суеверий и разделяющие идеи веротерпимости. Эти идеи получили развитие в Европе в XVIII в., называемом «веком Разума». Точкой отсчета начала эпохи Просвещения считается дата смерти французского короля Людовика XIV («короля Солнца», правившего 60 лет). В первые десятилетия его правления во Франции успешно развивалась экономика: ремесла, промышленность, торговля, культура, искусства, науки, литература, издавались книги, газеты. Но, как следствие бесконечных войн, начались десятилетия упадка, разорение ремесленничества, торговли, крестьянства. Соответственно, усилилось налоговое давление, власть все более часто использовала прямые формы насилия, усилились гонения на свободную мысль.

При короле Людовике XIV централизация монархии, абсолютизм достигли своих высших пределов. Не случайно высказанная им мысль «Государство – это я» цитируется на протяжении следующих столетий, отражая суть абсолютизма. Уже через месяц после смерти «короля Солнца» в 1715 г. в парижской печати стали выходить первые произведения французских просветителей-энциклопедистов. В них отчетливо звучали мысли о «свободе, равенстве и братстве», воспетые целой плеядой просветителей-энциклопедистов, начиная от Вольтера, Дидро, де Монтеня, Руссо, Монтескье и множеством их последователей. Они стали необычайно популярными в Западной Европе и в колониях Северной Америки. Эти три великие слова-понятия стали главными лозунгами парижан, штурмом бравших Бастилию.

Эпоха Просвещения – это, несомненно, величайший этап в европейской истории, характеризующий переход от феодализма к капитализму, мощный культурный скачок в общественном развитии Европы. Он, в своей основе, связан с борьбой

¹ *Новгородцев П.И.* На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12.

городского ремесленничества нарождавшейся буржуазии и свободных граждан против феодализма, абсолютистского государства и всеилия церковных иерархов. В этот длительный период проходила интеллектуальная подготовка буржуазных революций, в частности, Великой французской революции 1789 г. с ее выдающейся Декларацией прав человека и гражданина. Крупнейшие представители этой эпохи: Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций, Д. Дидро – во Франции; Дж. Локк, Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Д. Юм, У. Петти – в Англии; Г.В. Лейбниц, И. Кант, Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер, Ф. Шиллер, И. Гете – в Германии; Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн – в США. В России идеология просвещения возникла в XVIII в. (Н.И. Новиков, А.Н. Родичев). В XIX в. первыми русскими просветителями были революционные демократы В.Г. Белинский и А.И. Герцен.

Деятели Просвещения боролись за установление «царства разума», основанного на «естественном равенстве», за политическую свободу и гражданское равенство. Огромную роль в строительстве нового государства и общества они отводили распространению знаний среди всего населения – гражданского общества, – этот термин, впервые примененный античными мыслителями, по-особенному зазвучал в трудах деятелей эпохи Просвещения.

Европейская эволюция: от абсолютизма к либеральной демократии и правовому государству

Итак, точкой отсчета в начальном процессе движения стран Западной Европы к правовому государству, в соответствии с известной традицией, Новгородцев, как и другие аналитики, связывает с концом самого могущественного самодержца – Людовика XIV, абсолютного властелина, благополучно пережившего своих влиятельных первых министров – герцога Ришелье и кардинала Мазарини. У них он и научился править государством, неизменно добиваясь поставленных целей. Его смерть как бы открыла «ящик Пандоры – началась великая эпоха европейского Просвещения, бурного развития общественно-политической мысли.

Конечно, это течение долгие годы вызревало в недрах «просвещенного абсолютизма», поскольку в силу жестокого гнета абсолютистского государства, не могло «выйти наружу» до определенной точки отсчета, до наступления критического события. Имена Вольтера, Ламетри, Гольбаха, Дидро и прочих прославленных писателей того времени (энциклопедистов) становятся необычайно популярными не только во Франции, но и других странах Западной Европы.

Суть новых идей, – указывает Новгородцев, – состояла в том, что они решительно отвергали абсолютизм королевской власти, всеилие католической церкви. Особенно были популярными произведения Вольтера, его саркастические замечания в отношении церковников, тонкий, блистательный юмор, который в изобилии присутствовал во всех его произведениях. Неслучайно среди исследователей распространено мнение, что именно вольтерьянство положило конец

христианству в Западной Европе. Широко известна переписка императрицы Екатерины II с великим мыслителем. В ответ на повторяющиеся упреки Вольтера в отсутствии прав человека в России она с легкой иронией, в духе самого Вольтера, ответила ему в одном из писем, что права человека – это не «картошка, которую легко сажать», а длительный процесс, который и должен привести к этим самым «правам». Похоже, спустя более двухсот лет, этот «длительный процесс» в России все еще «развивается».

Великие европейские просветители обосновывали необходимость установления такого политического порядка, который, во-первых, покоится на равенстве, справедливости и равных правах каждого; во-вторых, контролировался бы самим народом; в-третьих, он должен был обеспечить народный контроль над властью. Одни из этих выдающихся деятелей выступали за введение английской системы правления с минимальной властью короля, другие – за республиканскую форму правления, третьи – за «смешанную» систему. *«Никогда ранее политическая литература не становилась до такой степени почти всенародным явлением, как в эпоху Просвещения, – пишет ученый. – Но она, как бы основательна ни была, не давала никаких определенных указаний для изменения существующего строя. А между тем, люди более практического склада ждали именно таких указаний. Ответить на эту потребность были призваны Монтескье и Руссо»*¹.

Вот эти писатели-философы и их произведения стали базой для размышлений русского ученого, философа и юриста П.И. Новгородцева.

Монтескье и теория разделения властей

После краткого анализа политических течений эпохи Просвещения, Новгородцев приступил к основательному разбору положений основного труда «Дух законов» французского философа, в котором изложена теория разделения властей. Он пишет, что идеи просветителей имели настолько большой общественный успех, что когда Монтескье заявил об открытии им «тайны политической свободы», он и его книга были повсюду встречены с необыкновенным воодушевлением (около 80% населения Франции были грамотными и любили читать прессу). Это произошло, прежде всего, потому, подчеркивает Новгородцев, что отныне многие люди стали полагать, что *«знают не только то, что следует изменить, но и как должно осуществить эти изменения. И более того, многие полагали, что теория разделения властей представляет собой в некотором роде философский камень, при помощи которого можно дурное государственное устройство превратить в лучшее»*².

¹ Новгородцев П.И. На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 206-216

² Там же. С. 207.

При этом Новгородцев отмечает, что просвещенное французское общество той эпохи не заметило главной мысли этой работы. Дело в том, что сам Монтескье никогда не выдавал разделения властей за тот чудодейственный принцип, за который его приняли. Он полагал основу всех законов в нравах народных и в той совокупности условий – естественных, политических и бытовых, – которые определяют их характер, или то, что он называл «духом законов». Эта историческая точка зрения Монтескье не была усвоена его современниками, но ее оценили позднее, в XIX в. Но для того чтобы иметь ясное представление об этом писателе, надо прежде всего ознакомиться именно с этим основным его мировоззрением. В этом отношении любопытно отметить, что еще в более раннем своем произведении «О причинах величия и упадка римлян», появившемся в 1734 г., Монтескье, в отличие от многих своих современников, стал на более правильную историческую точку зрения. В сущности, это сочинение можно рассматривать, как первую попытку объяснить развитие римской истории при помощи более глубоких научных представлений о значении народного характера, внешних условий и политических институтов. Мы находим в этой книге, – пишет Новгородцев, – замечательное место, в котором Монтескье высказывает идею о значении общих причин, скрывающихся в глубине истории, для хода исторических событий. Обсуждая замечание Плутарха, что римляне обязаны своими успехами счастью, Монтескье говорит: *«Несчастье управляет миром. Существуют общие причины, нравственные и, физические, которые действуют в каждом государстве, то поддерживая его, то разрушая. Все события истории находятся в зависимости от этих причин, и если какое-либо частное событие приводит государство к гибели, то это значит, что за ним, за этим частным поводом, скрывалась более общая причина, вследствие которой государство должно было погибнуть»*¹.

Монтескье формулирует затем свой взгляд на исторический процесс: *«Основной ход истории влечет за собой все частные случаи»*. *Здесь с ясностью высказывается мысль о том, что все частные события повинуются некоторому общему закону, управляющему ходом событий»*. Он повторяет эту точку зрения и в «Духе законов». В частности, в специальном приложении к развитию учреждений и права. В I книге «Espritdeslois», – говоря о различных и многообразных условиях, под влиянием которых складываются учреждения, он замечает: *«Вообще, законы должны настолько соответствовать характеру народа, для которого они созданы, что следует считать величайшей случайностью, если законы одной нации могут оказаться пригодными для другой»*².

В противоположность общему убеждению своего века, считавшего возможным установить одинаковое идеальное право для всех стран, Монтескье исходит из положения, что каждый человек, считающийся свободным, сам должен управлять собой. Но так как в больших государствах это невозможно, а в малых сопряжено

¹ Новгородцев П.И. На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 207.

² Там же.

с большими неудобствами, то приходится прибегать к избранию представителей народа (парламент и местные органы управления). Саму же систему власти следует организовать таким образом, чтобы ни законодательная, ни исполнительная власти не получили бы неразумный перевес над другой властью. Но вопрос в том, как это обеспечить? Монтескье следующим образом изображает нормальное соотношение властей в государстве.

Во-первых, это законодательное собрание, составленное из двух палат, из которых каждая сдерживает друг друга.

Во-вторых, самостоятельная исполнительная власть, которая уравнивает законодательную и сама контролируется ею.

В-третьих, это суд, независимый от законодательства и правительства.

Таким представлялось устройство власти в свободном государстве по Монтескье. Сдерживая друг друга, – замечает мыслитель, – три власти силою вещей должны двигаться, и они будут двигаться, согласованно и во взаимодействии.

Такова сущность теории Монтескье, изложенной им в знаменитом трактате «Дух законов». Не прошло и десяти лет после появления этой книги, как изложенная в ней теория получила громкую известность. Известный в те времена писатель-юрист и философ Делольм в специальном сочинении об английской конституции принял ее в качестве основы для своих конструкций. Его примеру последовал и знаменитый комментатор английских основных законов юрист Блэкстон. Благодаря этим двум писателям теория Монтескье приобрела в кругу специалистов значение непререкаемой аксиомы, – отмечает И.П. Новгородцев, – и вскоре она была приложена на практике. Когда позднейшие французские деятели, отвергнув основы старого порядка, пришли к необходимости нового законодательного творчества (после революции 1789–1793 гг. – *Р.Х.*), они открыли в книге Монтескье готовый фундамент для своих построений¹. Английский режим явился для них идеалом, а теория Монтескье – лучшим истолкованием этого идеала. Это во многом было обусловлено тем, что в Учредительном Собрании Франции 1789 г. большинство членов были за английские порядки. Расходясь между собою и с Монтескье в частностях, все они были согласны в преклонении перед английской конституцией и в признании доктрины разделения властей, однако учитывали те особенности, которые упоминались в учении Монтескье.

Его последователи, однако, пошли дальше своего учителя в том отношении, что требовали еще более строгого разделения законодательной и исполнительной власти, – отмечает Новгородцев. Так, например, другой выдающийся мыслитель той эпохи, Мабли, полагал, что одно право короля созывать и распускать парламент делает неммыслимым равновесие властей. Национальное собрание поступило по совету Мабли и провело принцип разделения властей в той строгой форме, в которой он обосновал в своем трактате. Оно признало за палатами право расходиться и собираться независимо от воли короля и принимать законы помимо его согласия.

¹ *Новгородцев И.И.* На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 208.

Так именно была построена конституция 1791 г. и затем позднейшая, так называемая *Консульская конституция VIII года республики*.

Но в обоих случаях опыт показал всю непрактичность полного обособления властей друг от друга. Каждый раз между законодательной и исполнительной властями, лишенными возможности законного воздействия друг на друга, устанавливались враждебные отношения, которые, в первом случае, окончились уничтожением королевской власти, а во втором случае, в эпоху консульства, победой исполнительной власти над законодательной, что привело к установлению *наполеоновского режима личной власти*.

Теория правового государства в XIX в.: Бентам, Бенжамен Констан и Токвилл

Далее профессор Новгородцев кратко излагает концепцию правового государства, разработанную английскими и французскими теоретиками. Ученый подчеркивает, что идеал правового государства, утвержденного французской революцией, явился в XIX в. предметом разнообразной критики: одни писатели старались его усовершенствовать, другие – отвергнуть, но все отходят от этого основного явления мысли и жизни нового времени. *«Мы повсюду видим выдающихся политических мыслителей, заложивших фундамент для новейшей теории правового государства. В Англии эта роль принадлежит Бентаму, во Франции – Бенжамену Констану и Алексису де Токвилю, в Германии – Гегелю и Лоренцу Штейну»*.

Бентам был одним из тех писателей, который более других критиковал французские идеи, чтобы затем повторить, в сущности, все основное их содержание. Критика Бентама была направлена против отвлеченного характера тех начал, которые были провозглашены французской революцией. С этой стороны он особенно горячо нападал на «Декларацию прав человека», находя в ней собрание начал, не приложимых на практике и способных только породить анархию. Вместе с этим он отвергал и те основные политические идеи, которые пользовались такой славой в XVIII в.: и идею естественного или общественного договора, и теорию народного суверенитета, и принцип разделения властей.

Со второй половины своей литературной деятельности, – утверждает Новгородцев, – Бентам изменил свои взгляды и склонился к демократическим воззрениям, весьма близким к существу французской доктрины. Но одновременно сохранил, – как он назвал «критическое отношение» оптимистическому консерватизму знаменитых «Комментариев на Законы Англии» Блэкстона, в которых умалялась реформаторская роль законодательной власти, а существующее английское право выдавалось за высшее проявление разума. Являясь в значительной мере сторонником традиции, шедшей от Гоббса, Бентам подчеркивал значение суверенной верховной власти, которая, по его мнению, не может иметь определенных границ и в своей деятельности должна руководствоваться только началом пользы.

Эти положения, вслед за Бентамом, усвоил Остин (Austin), положивший их в основу так называемой *аналитической школы права*, имеющей определенное влияние и в начале XX в.

Критика Бентама «Комментариев» Блэкстона наносила серьезный удар по теории разделения властей, в которой Монтескье искал ключ к объяснению государственного строя Англии. Это было обусловлено тем, что Блэкстон следовал в этом отношении теории французского писателя и вместе с ним видел в английской конституции высший идеал государственного устройства. В противоположность этому, Бентам доказывал, что на самом деле в Англии не отдельные (раздельные) власти, а скорее отдельные части государственного устройства, находятся во взаимной зависимости. Этим именно объясняется их систематический и непрерывный позитивный ход и равновесие, уравнивающее все три власти. Несомненно, он затрагивал здесь самое слабое место в теории Монтескье. Еще важнее, может быть, чем это критическое указание, было отрицательное отношение Бентама к тому направлению европейской мысли, которое, восхищенное успехами, достигнутыми «владычицей морей» Англией, считало ее тогдашнее устройство пределом совершенства. Во Франции этот взгляд находил своих противников в учении Жан-Жака Руссо.

Бентам, по мнению Новгородцева, – основоположник английской концепции *либеральной демократии*. То же отношение к законодательным преобразованиям, которое сделало Бентама противником Блэкстона, привело его затем к демократическим идеям, так как постепенно он пришел к убеждению, что только при демократическом устройстве государства можно рассчитывать на успешный ход реформ. Став на эту точку зрения, Бентам развил последовательно программу либеральной демократии, основанной на началах «всеобщей, тайной, равной и ежегодной подачи голосов». Высшим философским началом этой программы было «наибольшее счастье наибольшего количества людей», а высшим политическим принципом – понятие «народного суверенитета».

Расширение избирательного права представлялось Бентаму самым верным средством к практическому осуществлению этого принципа. С демократическим идеалом последний связывал представление о неприкосновенности человека, личной свободы и частной деятельности граждан. Настаивая на реформах существующих законов с целью приблизить их к идеалу всеобщего счастья, он требовал, чтобы эти реформы не касались частной сферы и свободы самоопределения. Вместе с Адамом Смитом, обосновавшим необходимость свободы для экономической деятельности индивида, Бентам обосновал для Англии доктрину государственного невмешательства (*laissezfaire*), которая около ста лет являлась определяющей для английских либералов. Но не только эта доктрина, а в целом демократическая программа с ее прямыми и ясными лозунгами имела огромный общественный успех. Она формулировала те начала, которые в течение двух веков определяли в Англии идеал правового государства.

Бенжамен Констан – основатель французской либеральной демократии

Во Франции эта роль выпала на долю Бенжамена Констана, который считается *основателем французского либерализма XIX в.* и первым выдающимся систематиком конституционного права. В этом отношении его взгляды имели большое значение и для науки, и для практики, и за пределами Франции, – отмечает Новгородцев, – хотя он не был признан, подобно Монтескье или Руссо, стать глашатаем новых принципов, которые должны были преобразить существующие общественные отношения. Но, тем не менее, именно Бенжамен Констан как нельзя более оказался способен подвести итоги предшествующему развитию и извлечь из него поучительные для будущего заключения. Его постоянным стремлением было выяснить не столько какие-либо новые и неизведанные формы, а некоторые элементарные условия для прочного соотношения общественных сил, сдерживаемых духом умеренности и взаимного признания. При этом он полагал, что самым верным основанием для прочного общественного порядка является свобода личности.

Под конец своей жизни в предисловии к своим сочинениям «*Melanges de Litterature et de Politique, 1829*»¹, Бенжамен Констан следующим образом определял основную задачу своей деятельности: *«В продолжение сорока лет я защищал один и тот же принцип – свободу во всем: в религии, философии, в литературе, в промышленности, в политике, – разумея под свободой торжество личности над властью, желающею управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право подчинения себе меньшинства»*².

О том, каким образом Бенжамен Констан прилагал свой принцип к обсуждению основных политических вопросов, лучше всего можно судить из его отношения к доктрине французской революции. В напечатанных им в 1815 г. «Началах политики», он объявляет принцип народного суверенитета как единственный законный постулат основания государства. Вне этого может быть только власть, основанная на силе и потому незаконная. В этом отношении Бенжамен Констан вполне сходится с Руссо. Однако идеи Руссо, по его мнению, требуют поправки: он считает необходимым признать, что личные права остаются неприкосновенными для верховной власти, как бы ни была она устроена. У Руссо же по этому вопросу была другая точка зрения. В частности, он считал возможным разрешить задачу справедливого устройства государства, обеспечив для всех граждан участие в верховной власти. При таком устройстве он требовал полного отчуждения всех личных прав в пользу государства. Это был, своего рода, компромисс между государством и личностью.

Заняв точку зрения неприкосновенности личной свободы, Бенжамен Констан вместе с тем хорошо сознавал – и в этом его новая заслуга сравнительно с воззрениями XVIII в., – что недостаточно провозгласить личные права, их надо

¹ *Новгородцев П.И.* На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 212.

² Там же.

обеспечить прочными гарантиями. При построении концепции правового государства он постоянно возвращается к этой мысли, стараясь увязать ее реальное обеспечение и в представительных учреждениях, и в разделений властей, и в развитии общественного мнения.

Что касается самого построения конституционного права, то в этом отношении Бенжамен Констан следует по пути, указанному Монтескье. Он не пытается сам придумать образцовую и еще не изведенную конституцию, а основывается на опыте, пройденном Англией. *«Если я часто восхищался формой английского правления, – писал он о себе, – если желал, чтобы французская монархия возвышалась на тех же самых основах, то это происходило оттого, что я рекомендовал не рабское подражание, но глубокое изучение английской конституции и приложение ее у нас во всем том, что может подходить к нам».*

Таким образом, Бенжамен Констан, в юности бывший сторонником Республики, сделался теоретиком конституционной монархии, в которой он на основании примера Англии стал видеть лучшую форму охраны свободы, – писал профессор П.И. Новгородцев. Очевидно, он и сам разделял именно такой подход применительно к тогдашней России.

Пять властей Бенжамена Констана

Новгородцев выделяет ту особенность, что Б. Констан, подобно Монтескье, видел основную гарантию свободы в разделении властей. Но он насчитывал не три известные власти, а пять властей. Законодательная власть в его теории делится на две власти: власть, представляющую постоянство и воплощающуюся в наследственной палате, и власть, представляющую общественное мнение в избираемой палате; затем, как у Монтескье, следовали власти исполнительная и судебная, а над всеми ними Бенжамен ставил еще королевскую власть, приводящую их в согласие в случаях временных столкновений¹.

Нельзя сказать, чтобы это пятичленное деление властей было более удачным, по сравнению с тремя властями Монтескье. Но главная особенность повторения теории, уже известной, заключалось не в том видоизменении, которое вносил в нее Бенжамен Констан, а в том особом положении, которое в связи с этой теорией он отводил в конституционном государстве монарху. Власть монархическая (*rouvoig royal*) представлялась ему как «нейтральная», возвышающаяся над различиями интересов и мнений, царящая над человеческими волнениями, приводящая все остальные власти «к согласию и примирению». (В определенной мере этот принцип заложен и в Конституции России 1993 г., в которой президентская власть практически занимает то же место над тремя властями. Однако она уже не просто «нейтральна», как это обосновал Б. Констан, а принимает самые важные решения в стране как классический самодержец).

¹ Новгородцев П.И. На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 213.

Принципы американского конституционализма

П.И. Новгородцев в рассматриваемом очерке лишь бегло коснулся основных течений политической мысли, оказавших влияние на создание американской конституции и отцов-основателей Конституции США. Поэтому представляется логичным несколько усилить эту часть и показать более подробно принципиальные отличия системы государственного устройства США от британской и французской, в частности, важнейший элемент сдержек и противовесов, дополнивший систему разделения властей. Это положение всегда имело огромное значение в политической жизни США со времени основания этого государства как республики, поскольку острейшие противоречия между Президентом и Конгрессом являются одной из наиболее характерных черт со времени первого президента и до наших дней правления Барака Обамы.

О их характере с наибольшей полнотой свидетельствует фундаментальная монография известного американского ученого-юриста Луиса Фишера, крупнейшего специалиста в области конституционного права. Он, в частности, подчеркивает, что создание конституции – это не простой процесс, а сложнейшая, длительная по времени и необычайно трудоемкая работа, призванная объединить все ее части во внутренне единый и взаимосвязывающий главный Закон государства, с «единой философией». Действительно, конституционный процесс – сложнейшая работа по философскому осмыслению общества, отражению его мировоззрения, исторических корней и целей, по учету множества различных обстоятельств, когда каждое слово имеет значение¹.

Луис Фишер пишет, что «конституционализм представляет собой нечто большее, чем стенографическое обозначение Конституции и сопутствующего ей законодательства. Чтобы быть достойной своего названия, Конституция должна содержать в себе философию правления, соглашение между представителями государственной власти и народом. Она должна способствовать общественному благу, в то же время защищая права личности, в том числе и меньшинства. Особенно важным является право людей собираться вместе, выражать свое мнение лично и через объединения, участвовать в свободных выборах. Конституции, которые лишь санкционируют использование государственной власти, не ограничивая ее (таковы конституции автократических и тоталитарных государств), враждебны самой концепции конституционализма.

Основные элементы конституционализма были определены Болингброком еще в 1733 году: *«Под конституцией мы понимаем, говоря правильно и точно, собрание законов, институтов и обычаев, родившихся из определенных постоянных принципов здравого смысла и направленных на определенные постоянные объекты общественного блага, составляющие целую систему, по которой*

¹ Луис Фишер. Конституционные конфликты между Конгрессом и Президентом. Изд. 3-е, исправленное. Изд-во Канзасского университета, США, 1991 / Пер. сделан в отделе переводчиков Верховного Совета РФ. 1992. С. 432.

общество согласилось быть управляемым». Как отмечает Болингброк, поведение правительства определяется не одними законами, но также институтами и обычаями. Законодательные принципы должны быть изложены в письменном документе. Даже «неписаная» Конституция Англии – собрание основных постановлений, мелких законодательных актов, судебных решений, обычаев и конвенций, а также текстов парламентских дебатов – закреплена публикацией ее фундаментальных принципов для всеобщего ознакомления: Великой хартии вольностей, Закона о неприкосновенности личности (Хабеас Корпус), Петиции о правах и Закона о престолонаследии»¹.

В качестве конституционной нормы постоянные принципы здравого смысла вызывают к жизни идею естественного права, «высшего закона», или *jus gentium*, который римский законодатель Гай называл «тем законом, что естественный здравый смысл устанавливает среди людей». Естественному праву придается конкретный смысл в сцене из «Антигоны» Софокла.

Понадобилось всего шесть слов, чтобы определить суть конституционализма: *«Где правит сила, там нет права»*.

Доктрина естественного права проникает в американский конституционализм через «Второй трактат о гражданском правлении» Джона Локка (1690). Локк считал, что люди, живущие в царстве природы, должны управляться законом природы, который обязывает каждого вести себя определенным образом. Здравый смысл, *«который и является этим законом, учит все человечество, которое к нему обращается, что все равны и независимы и что никто не должен причинять другому вреда в его жизни, здоровье, свободе или имуществе»*. Однако пристрастное и невежественное человечество так и не постигло закон природы. Будучи призваны судить, люди слишком жестоко наказывали других и прощали собственные проступки. В результате, по мягкому выражению Локка, в царстве природы возникало *«беспокойство и порождало необходимость в третьей суде для разрешения споров»*.

В то же время Локк, рассматривая законодательную власть как власть высшую, полагал, что она не имеет права быть своевольной и тоже должна подчиняться закону. Цель законодательства заключается в охране жизни, свободы и имущества людей. *«Если оно отступало от этих целей и оказывалось неспособным обеспечить эти пункты, люди оказывались в состоянии худшем, чем первобытное общество. В этом случае люди вольны были распустить правительство и создать новую законодательную власть»*. Философия Локка воодушевила на создание *Декларации независимости США*. В первой же фразе этой знаменитой Декларации объясняется, что разрыв с Англией был необходим, чтобы американцы могли *«занять среди сил земных отдельное и равное место, которое предоставляют им Право, Законы Природы и Господь Бог»*. Идея конституционализма, подчер-

¹ Луис Фишер. Конституционные конфликты между Конгрессом и Президентом. Изд. 3-е, исправ. Изд-во Канзасского университета, США, 1991 / Пер. сделан в отделе переводчиков Верховного Совета РФ. 1992. С. 432.

квивающая свободы личности и философию правления по Локку, появляется уже в следующем параграфе этого документа:

«Мы считаем эти истины самоочевидными: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, и в том числе на Жизнь, Свободу и стремление к Счастью; что для защиты этих прав среди людей создаются правительства, черпающие свою справедливую власть из согласия управляемых; что когда бы какая-либо форма правления ни стала разрушительной для этих целей, люди вправе изменить или упразднить ее и создать новое правление». Это – важнейшее право людей на свержение негодного правительства и его замену другим сформулировано в указанной Декларации.

Приведенное суждение приводит к последующим двум элементам конституционализма известного юриста-конституционалиста Болингброка: *«(1) правление направлено на определенные постоянные объекты общественного блага, и (2) общество дает согласие на то, чтобы им управляли».* Оба эти элемента совпадают с точкой зрения Локка, который считал, что власть закона «в своих самых широких пределах», должна быть направлена на общественное благо и ограничена этим же обществом.

Доктрина разделения властей в американском конституционализме

Луис Фишер пишет, что злоупотребление властью некоторыми президентами, особенно Линдоном Джонсоном и Ричардом Никсоном, породило ряд рутинных и «удобных» аргументов в пользу доктрины разделения властей. Оппоненты президентской власти утверждали, что создатели конституции не доверяли правительству (особенно исполнительной власти) и пытались использовать принцип контроля и баланса, или, по-другому, *сдержки и противовесы*, чтобы воспрепятствовать появлению тирании. Хотя создатели конституции действительно построили систему, призванную ограничивать власть, это составляло лишь часть их намерений.

В этой связи автор указывает на то, что в системе разделения властей имеются определенные противоречия. Так, говорят, что власти разделяют, чтобы сохранить свободы. Но разделение может и разрушать эти же свободы. Французские конституции 1791 и 1848 гг. представляли собой честолюбивые попытки создать жесткое и догматическое разделение властей. Первый документ породил правление Наполеона Бонапарта, а следующая попытка привела к появлению Второй империи (Луи Бонапарта).

Система сдержек и противовесов, введенная в американский конституционализм (контроль и баланс сил), не противоречит доктрине разделения властей, они обе дополняют друг друга. Это особое свойство американской конституции, отличающее ее от других конституций стран Запада. *«Каждый новый Президент, – пишет Луис Фишер, – который приходит в Белый дом, через некоторое время пребывания в должности осознает степень такого конституционного разделения,*

независимо от того, кто составляет большинство в конгрессе – партия президента или ее соперник. Так и должно быть. Президент, например, не разделяет с Конгрессом свое право помилования, а Конгресс не делится с судами своей властью в области налогообложения и ассигнований (хотя судебная власть принимает участие в определении предельных размеров льгот)». В 1974 г. Верховный суд, как единственный орган, могущий толковать Конституцию и федеральные законы, определил разделение властей в федеральном правительстве, заявив, что полномочия, вверенные федеральным судам Статьей III Конституции, «могут быть поделены с исполнительной властью не более чем, скажем, глава государства может поделиться с судами правом вето или Конгресс разделить с ним право отменять вето Президента»¹. Этим самым был приостановлен явочный процесс экспансии полномочий двух ветвей власти, пытающихся «взойти на чужое поле».

**Развитие политической мысли в Западной Европе
во второй половине XIX – начале XX столетий в работе профессора
П.И. Новгородцева: путь реформ**

Профессор Новгородцев прозорливо заметил те существенные трансформации, которые ускорились в конце XIX – начале XX вв. во многих станах мира и особенно заметно – в Западной Европе. События, которые в них происходили, сильнее всего образом находили отражение в сложнейшем российском обществе. В этой связи ученый пишет: *«Определяя в немногих словах ту перемену, которая произошла в общем направлении политической мысли к началу XX в., мы должны сказать, что старые идеи подверглись здесь существенной переработке. Идея народного суверенитета, принцип разделения властей, принцип личных прав – все эти начала старой политической доктрины в наше время получают иное определение и иное практическое значение. Тот преимущественный интерес, который ранее принадлежал конституционной монархии, считавшейся наилучшим воплощением идеала правового государства, постепенно переходит к представительной демократии, которая, как показывает пример Англии, может сочетаться и с монархическим началом. С другой стороны, опыт применения республиканских форм в Соединенных Штатах Северной Америки и во Франции показал, что эти формы не носят в себе непременно семян разложения... Таким образом, противоположение монархии и республики утратило свое прежнее теоретическое значение»².*

Вместе с тем в XIX – начале XX вв., центр тяжести был перенесен на вопросы внутренней организации управления и народного представительства. В этом отно-

¹ Фишер Луис. Конституционные конфликты между Конгрессом и Президентом. Изд. 3-е, исправленное. Изд-во Канзасского университета, США, 1991 / Пер. сделан в отделе переводчиков Верховного Совета РФ. 1992. С. 19.

² Новгородцев П.И. На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 216.

шении последовательно были выдвинуты вопросы о местном самоуправлении, о референдуме, об организации всеобщего избирательного права, об усилении исполнительной власти при соответствующем укреплении ее зависимости от народа путем непосредственного избрания народом и усиления парламентского контроля над этой властью.

Но более существенные перемены совершились в последнее время не столько во взглядах на организацию государства, сколько в воззрениях на его функции, на задачи его деятельности, – указывал далее Новгородцев. С этой стороны, можно сказать, что правовое государство с конца XIX в. вошло в новую стадию развития. Теоретики первой половины этого века полагали, что государственная деятельность должна ограничиваться охраной прав граждан; они выступали с требованием полного невмешательства в частную жизнь граждан, в экономическую сферу. Это считалось наилучшим средством обеспечить свободу и равенство.

Однако политическое развитие XIX в. обнаружило, что для осуществления начал равенства и свободы требуется не только устранение юридических препятствий к их утверждению, но также и некоторых материальных положительных условий их реализации. В жизненной борьбе свобода и равенство для слабых и изнемогающих превращаются в отвлеченное понятие, лишенное действительного значения. Требуется влиятельная поддержка государства и общества, чтобы помочь каждому, кто в этом нуждается, достигнуть действительной свободы и настоящего равенства с другими. Проникаясь этим сознанием, европейские государства одно за другим вступают с конца XIX в. на *путь социальных реформ*. Задача, которая ставится в этой области, представляется бесконечно более трудной и сложной по сравнению с той задачей, которую правовое государство ставило себе ранее. Для того чтобы устранить юридические неравенства и стеснения, достаточно было отмены старых законов с соответствующим преобразованием различных учреждений. Осуществление равенства и свободы в положительном смысле требует продолжительной деятельности устройства жизни при помощи создания лучших материальных условий общественного развития. Современная политическая мысль, – подчеркивал ученый, – ставя государству эту трудную задачу, не ждет ее немедленного осуществления, да и в целом устраняет мысль о скором «достижении всеобщей гармонии».

Здесь Новгородцев подводит теоретическую базу под необходимостью длительных и последовательных реформ для России и явно выступает против «революционеров всех мастей», требующих немедленно осуществить радикальные перемены в огромной крестьянской Империи. И далее он пишет: *«В этом отношении новая точка зрения коренным образом отличается от той, которая так часто высказывалась в XIX веке. Рассматривая философию Гегеля, мы видели, как ему представлялось, что высшая ступень развития мирового духа уже достигнута. Мы видели, как целый ряд писателей прошлого века находил в той или иной политической форме истинное и всецелое выражение начал разума. В наши дни, выражаясь словами английского юриста Дайси, для добросовестного мыслителя*

невозможно думать, что в мире, в воображаемом или действительном, можно открыть какую-либо совершенную конституцию, способную служить образцом для исправления недостатков существующих государственных форм...»¹.

Этими словами Новгородцев заканчивает эту свою замечательную работу. Очевидно то, что она предназначалась как своего рода теоретико-идейная база, просветительская, учебная работа, и не только, для партии кадетов, но и всей образованной части общества, которая усматривала опасности как в отсутствии социально-экономических и политических реформ, так и в требованиях радикальных преобразований.

XXI в. – это век реформ (хотелось бы надеяться!), более глубоких и разумных и в большей мере направленных на реальное повышение уровня народного благосостояния. Если таких реформ не последует, судьбу страны и правящих классов настигнет неумолимый рок – как это произошло в первый раз в 1917 г., а во второй раз – в 1991 г. Уроки истории можно предать забвению на какой-то период, но обмануть историю навсегда – невозможно.

¹ *Новгородцев П.И.* На путях к правовому государству // Новый мир. 1991. №12. С. 217.